

Владимир ЛЕБЕДЕВ
г. Нижний Новгород

НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

Рассказ

Учился Фёдор ни шатко ни валко: с двойки на тройку, с тройки на двойку, далее — со всеми остановками. В общем, за какой-то партией засиделся лишний годок, а может, и два — давно это было, никто и не помнит. Но всё равно худо-бедно вытянул четыре класса. Что и говорить: по тем временам шибко грамотный. Тогда у него еще и немецкого в школе не было, который потом его, можно сказать, за горло взял. Но он-то не брал этого языка.

Как все сверстники, любил бегать на воле, играть в игры разные. Особенно, конечно, в войну. Носился с длинной палкой, как с саблей, кричал «ура!» и рубал наотмашь крапивные заросли, изображая из себя Чапая. И терпеть не мог в играх показывать каких-нибудь япошек или беляков — стало быть, японцев и белых русских: гордость не позволяла. Но про-

шла эта пора, повзрослел Фёдор, работать в колхозе начал, что-то домой приносить. А по характеру был — не буйный, не въедливый и не приставучий. Как по пословице: не буди лихо, пока оно тихо. Когда что-то решать надо — он и вашим, и нашим. Вроде как одних боится, а других опасается. Одним обещает, а других за нос водит. А вот если кто не поладил, бежали за ним: он уговаривать умел. Чтобы как лучше было: и овцы в шерсти, и волки не зубоскалят.

Пришло время жениться, молодуху заводить. Нашёл и в дом привёл. Стали жить вместе. Под одним потолком с родителями — можно сказать, впритирку. Отгораживались с женой, как положено, в своем углу занавесочкой, чтобы не стеснять отца с матерью. Без скандалов жили. А ведь не шутка: две семьи в одной избе. Обыкновенной, деревенской. А

тут и дитя появилось, потом — второе. Забот и хлопот невпроворот.

Настал сорок первый. Грянула война. Хорошие мужики, молодые и крепкие — повестка за повесткой — уходили на фронт. Среди них Фёдор — молодой коренастый мужик, отродясь не видавший никакой другой земли, кроме как под ногами. И попал он сразу в мясорубку — провернули его как следует, а на выходе — плен. Правда, задела его перед тем моментом шальная пуля. Причём не с той стороны, откуда немудрено. Вот как это было. Чуть начался бой, они, новобранцы только что сформированного пехотного полка, поняли, что их со всех сторон заложили. Ведь что думали: раз Западный фронт, то гляди только на запад. А немчура-то и с юга, и с севера попёрла, а потом и с северо-востока. Проморгали, выходит, кому глядеть надо было. И вот: куда ни кинь — везде гансы и фрицы.

«Нет, не сдамся!» — прохрипел Фёдор, решивший сражаться до последнего. И тут винтовку заклинило — хоть из сапога стреляй! Стал стучать по ней, крутить-вертеть, нажал на спусковой крючок, и вдруг — бах! — плечо обожгло. Тут его и прихватил немец. И многими ещё не побрезговал в то хмурое утро. И было это уже в какой-то сотне километров от его дома. А фронт дальше на восток пошёл.

Плен есть плен. Привезли пленных в пересыльный пункт, а перед тем сержант из их роты, что до войны то ли фельдшером, то ли ветеринаром работал, sprysнул чем-то, перевязал и наказал дальше жить. Скоро рана затягиваться стала.

Покатил он вместе с другими не убитыми в тяжком сражении в самое логово хитрого фашистского зверя — в Германию. И осталась его прежняя жизнь далеко-далеко, где дом с женой Пелагеей, двумя мальцами и стариками на занятой немцем земле. А ему: радуйся, что жив остался — считай, вся рота полегла.

Собрали их в лагере, стали держать, как в ослином стойле. Корёжили и мочалили, чтобы они всё забыли и только номер свой знали. Морили их голодом — давали какую-то мизерную плоскую похлёбки да жалкую дольку хлеба суррогатного. И так день за днём, неделя за не-

делей. Отношение к пленным всегда наплева-тельское, а к русским «пленягам» — самое что ни на есть плёвое. Ну, а к слабым — убойное: их просто пристреливали.

На русских смотрели как на отходы на вонючей свалке. За любую оплошку по хребту били — дескать, «палка делает чудеса». Для арийцев они были «унтерменшен», стало быть, недочеловеки. Особо выслуживались перед немцами блоклайтеры — бывшие уголовники из числа пленных — их лагерное начальство и ставило старшими в блоках. Были в лагере еще поляки, сербы, французы, но французы имели привилегии. Им Красный Крест даже давал продукты и вещи, слали и посылки из дому.

Скоро от крепкого и ладного каркаса Фёдора остались лишь мослы да кости. И никакого будущего, никакого просвета. Уж ни на что и не надеялся он. Одно утешение: рана загладилась.

Но вот как-то выстраивают их на плацу — перед ними всё лагерное начальство, а при нём стоит какая-то фрау. Подтянутая и суровая, как укротительница тигров. В общем, характер нордический. И зыркает она по их рядам колючим взглядом — по всему, что-то задумала. Так и есть: объявляет начальник лагеря — через конопатого ефрейтора-переводчика — дескать, фрау подбирает рабочую силу для своего хозяйства. Проходит она вдоль рядов — вся из себя, неприступная, важная, спесивая. Останавливается напротив Фёдора. Подходит поближе, окидывает его своим надменным взглядом с головы до ног, прощупывает мышцы на руках, обхватывает плечи своими клешнями, в зубы смотрит. Потом машет палочкой и говорит по-немецки: «Der Iwan da ist gut». — «Вот этот Иван подойдет».

Повезла его фрау, что была из крепкого помещичьего рода, в своё имение. Повозка очень даже видная, ладная, без всякого скрипу, колёса крепкие, прорезиненные, на хорошем ходу. И мерин ухоженный, гладкий, весь лоснится. Едут — Фёдор всё окрестности озирает. И на дорогу дивится: какая-то она не такая — не асфальтированная, а гладкая, без ямок там разных и выбоин. Ба, да она щёбёнкой мелкой утрамбована. И хоть бы разок трягнуло на ней!

А вдоль дороги яблони да груши стоят, и никто их не рвёт, ветки не ломает. На дороге даже ни одного яблока не валяется.

Потом начались сливовые посадки. А за ними — вишнёвые. Ну и ну... Проезжали мимо какого-то хутора — там около каменных домов, крытых черепицей, брусчатка, цветники всякие, кустарник-ягодник. Да кто же за всем этим ухаживает — людей-то не видно. Ага, вон там появился какой-то старик — в рубахе в большую клетку и штанишках коротких. Он что, свихнулся — штаны-малолетки на себя напялил... А ещё двух мадам увидел Фёдор — в светлых кофточках и в шляпках как на праздник. Ишь, расфуфырились: видать, городские, в гости приехали, подумал он. Как будто никакой войны и в помине нет. А потом какой-то пацаненок выскочил, пальцем на него показывает и лопочет: «Rus, Rus, ganz verdreckt». Фёдор, конечно, кроме «рус», слов не разобрал, но понять понял: ха, так ведь я не на Масленицу в расписной рубахе и расшитых штанах, а из немецкого лагеря в грязной солдатской робе плюхаю!

Ехали недолго — если по расейским меркам. Один раз навстречу другая повозка попалась — с волком. Эту тягловую силу Фёдор на своем веку тоже не видывал. Только разъехались, другое чудо явилось ему — старая фрау на велосипеде: лицо всё в морщинах, а педалит на велике как молодая.

На всем пути, надо сказать, никаких деревень по дороге он так и не приметил. Так, стоят большие дома из камня — крепости какие-то, и не пойми из чего — такого материала он сроду не встречал, а вокруг всё вылизано и сплошь лужайки, кустики да цветочки. Сараев и амбаров не видать — всё какие-то каменные постройки, неужто двухэтажные сараи? А чуть подальше, ну, поля не поля, а большие наделы — ровные, без оврагов. И сорняков нема, подивился он.

Подъехали к леску — ну, думает, дыхну знакомым духом. А это и не лес, а какая-то расчёска: реденький да хиленький, с одного конца до другого от былинки до рябинки всё насквозь видно.

И вот привозит Фёдора немецкая хозяйка на свой хутор, ведёт в подсобное помещение,

заставляет снять всё, что на нём было, — и в топку, а самого — в ванну. А вот об этом он и мечтать не мечтал. Ну, думает, хоть с помывкой повезло. Отмылся Фёдор как следует, оттер свое испоганенное в лагерной неволе тело от всякой налипшей грязи, задышал полегче, а тут и чистое белишко подоспело. Облачился горемыка в немецкое барахло, сидит — дух переводит, по сторонам оглядывается: однако ж недурно живётся тут кой-кому.

Скоро его к столу позвали. Обрадовался — слава Богу! А то брюхо давно каши просит — и загремел костями поближе к кухне. Получает маленький кубик хлеба и с десять капель какого-то бульона. Э-эх, думает, ну и скупердя: даже в лагере больше давали! На другой день — то же самое, но хлеба кубик побольше, а похлёбки в чашке — ватерлиния повыше. На третий того и другого больше, чем на второй, на четвёртый — больше, чем на третий. И так — по восходящей. В общем, можно сказать, почти сытым стал из-за стола вставать Фёдор, а через недельку-другую даже слегка порозовел.

Ну, кормили, конечно, его не зря — работал он, надолго оторванный от земли и плуга, в хозяйстве этой фрау на полную катушку. Во саду ли в огороде — везде, где было перстом указано. А хозяйка — надо же! — была его славянской рабочей хваткой довольна, но особо виду не подавала: батрак есть батрак. Но главное ждало впереди.

Копается он однажды на участке — видит: свёрток лежит. В нём — деньги немецкие. Ну, понятно, марки — немного, ну и не так чтоб совсем мало. Берёт он сверток и в карман кладёт. Надо же, думает, везёт как: не было ни гроша, и вдруг алтын. И не один. Хм... Ну и что? Куда с ними? За пол-литрой не побежишь: один пить не будешь — русского плясать с кем? Да и засекут по пьяной лавочке — что тогда? Карцером не отделаешься. В общем, протягивает он вечером хозяйке: вот, мол, нашел на земле на вашей, заберите Христа ради. Взяла хозяйка купюру, положила в свой вышитый кошелёк и «Danke» сказала. «Спасибо», стало быть. Дескать, не ошиблась, когда работника выбирала.

А через пару дней опять видит Фёдор: на земле деньги — под кустом, только побольше,

раза этак в три. Или четыре. Поднимает их и думает: а что делать с этими марками? Никуда не убежишь, на что тратить? На чёрный день спрятать? Так ведь найдут. Вот подвезло — и гадай теперь. Мать честная! Да хозяйка специально их подбросила! Она что, думает: если я русский батрак и ничего у меня нет, значит, на чужое позарюсь? Как бы не так! В общем, пришёл он в дом и говорит: «Битте зер, мадам, нем-ен зи». Стало быть, забирайте, фрау хозяйка: мне чужих не надо. Отдал ей деньги, как в тот раз, и с концами. А она от радости даже вся засветилась, как новогодняя елка, и несколько раз свое «Danke» повторила.

На другой день после работы вручает хозяйка ему связку ключей к своей кладовой, что в подвале под домом: иди, мол, открывай и пользуйся моей добротой... Взял он ключи, открыл — ба! И чего он там только не увидел! И соки всяческие, и вина, и колбасы разные, и сало, и окорока, и ветчина, и фрукты! Пил и ел Фёдор как хотел. Но напиваться не напивался: фрау-хозяйка свои поводки крепко держала и таких вольностей никак не потерпела бы. Да и вина не те были: так, баловство одно — для интеллигенции. Не первач из родных краёв.

Но работы после этого меньше не стало, не барствовал Фёдор, а вваливал почем зря. Не шутики шутил, а большое хозяйство, можно сказать, на руках своих тянул. И пахал, и сеял, и культивацию проводил, и сенокосил, и с быками управлялся, и технику кое-какую мог подладить, и урожай снимал. Хозяйка его знай похваливала да подкармливала. И подумалось Фёдору: вот тут фрау-хозяйка его разными «данке» да «гутен морген» угощает, а бедняги-ребятки в лагере только «руссише швайне» слышат. А что там семейству родному достаётся?

А потом — втемяшилось ей! — начала его разным новым словам и фразам немецким натаскивать. Дескать, чтобы лучше понимал ее, что и как делать, и поменьше на пальцах показывал. Правда, держалась фрау-фермер от него по-прежнему на расстоянии: как-никак раса завоевателей. Но как-то призналась: мужика у нее тоже на фронт забрали, и был он где-то там — то ли в северной Африке, то ли в южной Франции — интендантом в полку. Понятно,

по хозяйственной части тоже не промах. Она, кстати, Фёдора его поношенной одежкой и снабжает. Сам-то муженек-фельдфебель сюда в отпуск должен был вот-вот приехать — отпускают же их на пару недель — но «отпуск» дали почему-то на Восточный фронт, где он в первую же зиму уши и пальцы на обеих ногах отморозил и подмышку ему прострелили. Вот он и загорает теперь не на африканском пляже, а в холодном госпиталишке с кусачей русской зимой. А чтоб она здесь какого старика или инвалида нашла — не-э, у них с этим строго. И с русским работником-батраком всегда на расстоянии, словам немецким учит на ходу, не садясь за один стол: как же, не той расы, хоть и христианин — как она. А в Бога она верила и по праздникам ходила в кирху.

Но вот мало-помалу тоска начала одолевать Фёдора. Дни стали тягучими и невразумительными. И снилась ему деревенька родная с рубленой избой и сиренью под окном, ступеньками дубовыми, русской печкой да щами наваристыми. А уж когда он тут в поле работать выходил, ему всё мерещилось, что он у себя дома крестьянствует — на своей родимой земле, богатой чернозёмом, а не на этом суглинке, приправленном химией. А ещё видел он во сне берёзовую рощу с весёлыми подберёзовиками. Но не выходила из головы дума тяжкая: что теперь в далекой деревне с его родными — когда немцев с земли согнали? Цел ли дом-то? Что с Пелагеей и детьми? Я тут сытый в тепле на белых простынях сплю, а им какво? А что старики? Тоска сжимала сердце и не отпускала.

Однажды объявляет фрау, что им нужно принять важный груз — трофейную плодородную землю из России. Дескать, в здешних хозяйствах эксперимент проводится: что лучше всего на привезённой земле выращивать — как в чистом виде, так и в виде добавки к натуральному суглинку. На другой день приказывает хозяйка Фёдору разбросать, как полагается, землю по большому участку. Орудует он лопатой специальной, а самого слеза прошибает: не по этому ли чернозёму он в детстве босиком бегал да не эту ли землю распахивал, да обихаживал в поле, проливая пот солёный? И так мучился, так мучился, что она на чужбине оказалась, а

он выпендривается на ней своей германской лопатой да граблями. И никак не может спокойно смотреть на нее, бедолагу, попавшую в неволю. И вот так всякий раз, когда был рядом с ней.

Как-то заявляет фрау, что у неё есть сестра и в её хозяйстве тоже надо приложить руки. И есть где развернуться. Делать нечего — прибыл Фёдор на новое место. И там ещё как показал, что может и что умеет. Устроила хозяйкина сестра ему ужин как какому принцу. И сама оделась — принцесса принцессой, только ведь худосочная да сухая, как все немки почти. Э, да разве их с расейскими жёнами сравнить!

Угощение было отменное. Пил он из ее богатых запасов изысканные вина и закусывал всякими закусками, каких сроду и не видел. А сам о своих скромных деревенских угощениях думал, испробовать которые уж и не чаял. Спросил как умел, по-немецки, коверкая слова, где муж-то ее. Она тут же призналась: на небесах, мол. Приезжал с Восточного фронта в отпуск. Исхудавший, заветренный, изможденный. Дескать, неважные дела там меж русских лесов и оврагов. Она ему тогда сразу круг спасательный бросила: оставайся, спрячу тебя. А он: «Я обещал командиру, что вернусь». Вот и вернулся — к своему штурмбанфюреру, а сюда уж не вернётся. И ведь надо же: как раз в день смерти портрет его в рамке, что висел на стене, вдруг ни с того ни с сего на пол плюхнулся.

Так и жил Фёдор на чужбине, пока шла война. И нельзя сказать, что тужил. Но изо дня в день вертелось в его мозгу и скребло душу: на кого спину гну, кому хлеба подымаю? Чужим бабам сытую жизнь еще сытнее делаю. А кто они мне: жёны да невесты врагов — фрицев и гансов, которые моих земляков убивали. На их родной земле, на кровных полях да в опалённых дубравах.

В общем, терзала его, особенно по ночам, совесть: что он там делает и чем это кончится. Понятно, что в неволе жил — не в родной лесостепи. Хоть и без конвоира, а не разбежишься — сколько ни беги. Даже прогуляться, как в родном леске, негде. Да никто и не пускал его никуда: усадьба — вот весь вольер для прогулок. Ищи ветра в неволе. К соседям своим — ша-

брам да своякам, что постарше, — покалякать не пойдешь: они там, в дальних краях остались. А здешние — вояки ихние — поди, сейчас задом к своей границе пятятся.

Так и жил он все три долгих года раздвоенный: ты тут у немчуры не пойми кто и что, а родимый дом твой с хозяйкой и мальцами — там, за тыщи километров. И каково им теперича? И опять же — при немцах сколько были. Гансы не блинами же их заявили кормить. Отчаянно бились мысли о его черепную коробку: а что дальше?

Вспоминал он и лагерь, в котором был два самых тяжких месяца в своей жизни, и мурашки бегали у него по коже. Как они в голод и холод едва переставляли ноги и как их подгоняли палками-дубинками. Как не терпели надзиратели больных и доходяг и, не моргнув глазом, добивали их. Как в лагере выискивали комиссаров и евреев, велели им забрать свои шмотки и навсегда уводили их. Как давали мизерную дозу тёмной жидкой баланды из брюквы, а если просили добавки, получали черпаком по голове. Как им во время нескончаемой дороги на пересыльный пункт колхозницы бросали хлеб и сильные пытались вырвать его у более слабых, а охранники прикладами гнали милосердных женщин прочь, угрожая пристрелить. И как во время привала отошёл там по малой нужде от своей скатки, а вернувшись, уже не нашел её.

Между тем Красная армия, перейдя границу, всё дальше гнала гитлеровские войска вместе с их союзниками на запад и приближалась к самой Германии. Это Фёдор узнал от польских рабочих, которых на короткое время наняла хозяйка для сезонных работ. У самой фрау был приёмник, по которому можно было слышать разные голоса, в том числе из Москвы, но Фёдора она к русским голосам не подпускала.

Поляки с энтузиазмом говорили о том, что польская дивизия им. Костюшко воюет вместе с Красной армией против Гитлера. В эти дни Фёдор ощутил, общаясь с ними, пусть коротко, какое-то родство не только как собрат по неволе, но и как человек одного — славянского — племени. Радовала его и их речь, которую он, несмотря на многие незнакомые слова,

мог понимать. Пленённая душа его оттаивала, раскрепощалась, он как бы снова возвращался в привычную среду, непосредственную и такую знакомую.

Вскоре линия фронта гуляла уже по самой Германии. Русский солдат всё ближе подбирался к этим краям. Иногда до их хутора доносились глухие раскаты оружейных залпов, а высокое небо пронзали юркие ястребки, вдалеке виделись вспышки огня. Смерть витала и находила пристанище там, где поверившие в свою несокрушимость завоеватели и во сне не могли видеть — в их собственном доме. По дорогам потянулись отдельные группы беженцев, боявшихся мести со стороны армии, что неумолимо шла с востока. Среди тех, что спасали себя и прихваченные ценности, в первую очередь, были семьи гестаповцев и офицеров, виновных в смертях на территории ненавистой им страны.

Но вот война отгремела, Германия капитулировала, и всё изменилось. Судьба к пленным поворачивалась по-разному. Недолго стоял Фёдор перед выбором. Решил бесповоротно: он должен вернуться, там — его Пелагея и дети. А ещё — родная земля, на которой ему было куда привычней семь потов проливать. Уж не говоря про язык: не век же ему слушать немецкую речь, эти гортанные звуки, которые с первых дней бередили его уши, сызмальства привыкшие к неторопким и рассудительным русским словам. Да тут и трактор-то тарыхтит как-то не так, по-немецки, будто не землю пашет, а бутерброды со шмальцем жуёт.

...И он вернулся, живой и невредимый. Это была суббота. От станции сначала плюхал на телеге из дальнего колхоза — прихватил его тамошний конюх, который привёз к поезду кого-то из начальства. Всё расспрашивал, что да как, да только Фёдор не рассказывал ничего про свою немецкую жизнь, сам вызнавал, как они в оккупации жили-были и партизанил ли кто в этих лесах. Но вскоре дороги разминулись, и он зашагал пешком, как когда-то, — до боли знакомыми тропами и тропками, привычно сокращая путь. Нестерпимая тихая радость свидания с родными местами распирала его.

Вот его любимый перелесок — сюда он бежал с пацанами за свежей земляникой и спелыми орехами. А вон там на заветной поляне нашел белый чудо-гриб, что стоял, листочком, как зонтиком, прикрывшись. А как-то у корней дерева узрел выпавшее птичье гнездо и, подняв его, закрепил как мог, повыше на раскидистой листве крепкого сучка. В том кустарнике перед войной увидел рыжую проныру-лису, что выглядывала, поводя своей хитрой мордой. Ух, благодать-то какая! Он не выдержал и бухнулся плашмя на землю, обнимая ее: эх, родная, сколько ж мы не виделись, не знали, не обнимались! Потом встал и, не отряхиваясь, пошёл дальше. А вот и берёзовая роща с весёлыми подберёзовиками! Эх, тогда их было — пруд пруди, а теперь... Он огляделся и — да вон ты где, дружок! А там ещё один, и ещё!

«Здесь раньше и белки бегали, да война-то, поди, всех распугала. И не только белок. Меня тоже вон куда закинуло. И что теперь... Закрутилась моя жизнь, как белка в колесе, а теперь ее по второму кругу крутить надо, с умом».

Миновав лесок, он подошёл к речке — маленькой, но чистой. Ну до чего ж хороша! Здесь они, пацаны, любили плескаться, устраивали разные придумки — игры озорные да забавки смешные.

Дальше путь шёл по полевой дорожке между большими холмами, что, как высокие подушки для великанов, лежали на необъятной постели-равнине — под ясным небом, чуть-чуть прикрытым белыми облачками. Вот где всегда было полевой клубники раздолье! Ведрами таскай — не перетаскать.

За холмами показалась его деревня. Сердце заколотилось учащённо, его стук был похож на удары молоточка. А деревню-то не узнать: ни садов, ни берёз, ни лип не видать. Дома какие-то не такие: всё серые да скособоченные, крыши кое-как залатаны. Солома на дворах и та повыдергана. А там пустырь — выходит, сгорели дома? Точно: бревна опалённые выглядывают. Немец, что ли, пожёт?

Дом его, третий в ряду, был цел, только одряхлел сильно. Совсем невидный стал — стоял как пришибленный, будто обессилел и занедужил. На улице — никого. Видно, в поле

все, подумал он, подходя ближе. Перекрестился и, не в силах унять внутреннюю дрожь и сумятицу чувств, застыл. В его сознании проносились отрывки довоенного прошлого, короткой военной были, лагерного рабства, недавнего сытого благополучия на чужой земле и неизвестного будущего. А вот и пристанище. Старая труба на крыше, осыпавшаяся завалина, слуховое окно, наличники, причелины. Родное крылечко. В тёмных окошках не видно никого.

Фёдор медленно подошел к дому, несмело, как гость, присел на завалинку. Чувство неуверенности и какое-то оцепенение овладели им. Через две-три минуты в проёме двери из сеней с помойным ведром в руках показалась Пелагея, которая только что вымыла пол в избе. Увидев мужа, ахнула, уронила ведро и бросилась к нему:

— Живой, Фёдор!

Фёдор снова обрел себя. Они порывисто обнимались, крепко прижимаясь друг к другу, а Пелагея не верила своим глазам, ахала, охала и ревела. Следом выскочили детки, худые, в залатанных одежках, и, обомлев, уставились на обоих.

— Да не видите, что ли, ребятёнки, батяня ваш пришел! — не помня себя, утирая слезы,

воскликнула Пелагея. И потащила его в избу.

Так Фёдор вернулся в свою прежнюю жизнь. Только старики его не дожили до того дня. Без вести пропал — таков был приговор их сыну, который они получили, и не только они. Понадеялись его родичи, понадеялись, да так и сникли — похоронили все надежды. Дед-то сначала даже по наивности своей всё немцев, которые в деревне стояли, спрашивал, жестикулируя, не видали ли они там, на фронте, его сына, а может, и стреляли в него, так в ответ такой хохот слышал, что стёкла в окнах звенели.

Вошли в избу, сели за стол, а тут уж вся улица, считай, к ним прибежала — глядеть на соседа, что с германского фронта с руками и ногами вернулся. Свиделся Фёдор с земляками, обрадовался прежним шабрам, стал рассказы их слёзные про горемычную жизнь под немцем и похоронки слушать да поддакивать. Только гадали они, как довелось ему в это обездоленное, лихое время небедный жирок нагулять.

— Дык ведь после ранения пришлось в санчасти отлёживаться, — оправдывался он. — Изнежился маленько.

А те, кому особо положено, конечно, не раз интересовались, выясняли, что и как. Понятное дело. Ну, а нечаянную рану свою он так никому и не показывал.

Владимир Борисович ЛЕБЕДЕВ

родился в г. Сергаче. Окончил Горьковский педагогический институт иностранных языков, кандидат филологических наук.

Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг «Строкой врываясь в новый век», «Земные облака», «Язык и лира», «На поводке у Пегаса», «Слово пишем — два в уме», «Строчки на босу ногу» и др. Также автор книг на немецком языке «Учитесь говорить кратко и точно», «Путешествие по Волге», «Нижний Новгород: архитектура — культура — история», «Знакомьтесь:

Германия», «Говори бегло», «Веселые минутки». Победитель, призер нескольких литературных конкурсов. Лауреат премии «Золотой теленок» клуба «12 стульев» «Литературной газеты».

